

— А-Цы, это Юйвэй, моя младшая сестра, о которой я тебе рассказывала, — произнесла Ин Сысы.

Цинь Яньцы слегка кивнул:

— Здравствуйте.

Ли Юйвэй заикаясь ответила:

— Э-э, здравствуйте.

Услышав шум, из главной комнаты вышла мачеха Сун Ханьмэй. Увидев Цинь Яньцы, она застыла, не в силах оторвать взгляд от его поразительной внешности. Соболиные брови, ясные глаза, четкие, мужественные черты лица. В южной и восточной частях города вряд ли нашелся бы второй такой мужчина. А ведь Юйвэй твердила, что он десять лет прожил в деревне и окончательно опустился, став неотличимым от местных невежд, и даже грозились покончить с собой, лишь бы не выходить за него. Но разве в его облике есть хоть капля невоспитанности? Одно лишь то, как он стоит, говорит о его высоком достоинстве.

Ин Сысы, не подавая виду, подметила алчный и полный сожаления взгляд мачехи. В душе у нее было беспокойно, но внешне она оставалась покорной и милой:

— Тетя, это А-Цы.

Сун Ханьмэй опомнилась и заговорила с жаром:

— Яньцы, проходи, присаживайся. Сысы, ты ведь хорошо готовишь, сварь-ка гостю лапши, пусть подкрепится.

— Хорошо, — Ин Сысы развернулась и пошла на кухню.

Следом донесся почти подобострастный голос мачехи:

— Яньцы, ты столько лет провел на ферме в Северо-Западном крае, у тебя за плечами солидный опыт. Наша Юйвэй работает в уличной управе, пусть она расскажет тебе о нынешней политике в сфере трудоустройства.

— Мам, сама ему рассказывай, — Ли Юйвэй, стараясь держаться подальше от Цинь Яньцы, развернулась и ушла. Она не могла взять в толк, почему Цинь Яньцы ведет себя с Ин Сысы не так, как в прошлой жизни с ней. Она последовала за сестрой и с любопытством спросила: — Сестренка, вам с ним неловко? О чем вы вообще говорили?

— Немного неловко. Мы почти не разговаривали: он не любит болтать, а я не решалась начинать первой, боялась показаться назойливой, — Ин Сысы, чувствуя исходящую от сестры доброту, отвечала на все вопросы.

Ли Юйвэй не верила, что Цинь Яньцы приехал бы сюда после пары дежурных фраз:

— Перескажи в точности, как все было.

Ин Сысы смутилась и решила использовать Цинь Яньцы как щит:

— У меня плохо с красноречием, боюсь, не смогу передать. Может, позвать А-Цы, чтобы он сам рассказал? Только вот боюсь, он не захочет.

— Нет-нет, лучше не надо, — поспешно отмахнулась Ли Юйвэй.

У Цинь Яньцы было раздвоение личности и маниакально-депрессивный психоз, в приступе раздражения он мог ударить их обеих. В прошлой жизни ей было некуда бежать. А у Ин Сысы есть — спрячется в деревне, и кто тогда выйдет за него замуж? Опасаясь, что Ин Сысы что-то заподозрит, если она будет слишком много расспрашивать, Ли Юйвэй сослалась на дела и ушла, не обращая внимания на оклики мачехи.

Ин Сысы закрыла дверь и продолжила готовить. Сначала она тайком съела большую порцию лапши сама, а затем принялась за порцию для гостя. Она положила на дно миски три яичницы-глазуньи, добавила пару ломтиков говядины и отнесла блюдо в главную комнату.

— Яньцы редко заглядывает к нам, а ты положила всего два кусочка мяса. Кто не знает, подумает, что наша семья такая скупая. Яньцы, ты пока ешь, я схожу добавлю еще, — Сун Ханьмэй, желая показать свою щедрость, сама направилась на кухню.

Ин Сысы с улыбкой указала на миску. Цинь Яньцы понял намек, помешал палочками лапшу и, обнаружив под ней целую стопку яиц, замер. В его глазах отразились неверие и легкое изумление. Теплая волна разлилась в груди, растапливая лед на его лице. С самого детства никто еще не угощал его тремя яйцами за раз. Уголки его губ тронула едва заметная улыбка:

— Ты сама поела?

Ин Сысы кивнула:

— Я уже сыта, ешь скорее.

Вернувшаяся Сун Ханьмэй увидела, как они сидят рядом и беседуют, и внутри у нее все закипело. Она мысленно выругала падчерицу лисой, но, обернувшись к Цинь Яньцы, снова расплылась в улыбке:

— Яньцы, вот, возьми говядины.

— Благодарю, — Цинь Яньцы доел лапшу и собрался уходить.

— Я провожу тебя, — сказала Ин Сысы.

<http://bllate.org/book/18477/1772872>